

Уроки, которые запомнились на всю жизнь

Как первые шаги чаще всего определяют направление дальнейшего пути пешехода, так и детские увлечения порой создают фундамент будущей биографии человека

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

Сегодня – шестьдесят лет Юрию Иосифовичу Аврутову. Его знают как заместителя директора областного департамента культуры и одновременно председателя комитета историко-культурного наследия. В сложных условиях нашего противоречивого законодательства он делает максимум возможного для сохранения памятников, для того чтобы сберечь неповторимый облик Ярославской земли.

А что ещё мы знаем об Аврутове? Больше почти ничего. И напрасно. Когда по нашей просьбе он погрузился в воспоминания, в них оказалось столько всего интересного, что, как ни обидно, пришлось ограничиваться рамками «детство – юность», иначе никаких газетных страниц не хватит.

Юрий Аврутов родился на Украине, в городе Мелитополь Запорожской области. Самое раннее воспоминание – мама кормит грудью сестру, которая была на три года младше. Сестра в маминых руках такая крохотная! Запомнилась некая коляска, в которой возили Лиду, а до неё, по рассказам, его самого. Запомнился дом из саманного кирпича, рядом маленький огородец, два гуся, кошка с собакой.

Родители – участники войны. Отец, бухгалтер на Мелитопольском станкостроительном заводе и рядовой пехотинец, воевал в Сталинграде. Мама прошла всю войну медсестрой, вместе с госпиталем дошла до Берлина, расписалась на рейхстаге и всю жизнь потом проработала в больнице. Дома иногда говорили о войне, но не о страшном, вспоминали какие-то забавные случаи, рассказывали о сослуживцах – маленькому Юре казалось, что война – это очень давно.

У мамы был хороший голос. Она знала не только все военные песни, но и многие оперы: до войны училась в Одесской консерватории, мечтала стать певицей. Мама – коренная мелитополька, из семьи, где было пять сестёр и пятеро братьев. Все братья погибли на войне, дом разбомбили, и после возвращения с фронта стало не до музыки.

Свою нереализованную любовь к искусству мама стремилась передать детям. Обоих отдали в музыкальную школу. Но если Лида могла часами просиживать за пианино, позже окончила консерваторию и преподаёт до сих пор, то Юра по классу домры занимался, что называется, «из-под палки».

А вот в обычной школе ему учиться сразу понравилось – во многом благодаря первой учительнице Прасковье Тихоновне Беляевой.

– Весь класс души в ней не чаял. Это была уже немолодая женщина, когда-то окончившая гимназию, без специального образования, но с несомненным педагогическим талантом. Она сумела, уж не знаю как, привить нам интерес к знаниям, к познанию вообще, который сохранился потом на всю жизнь. Уроки Прасковьи Тихоновны не сводились к учёбе. Не помню, чтобы она наставляла, внушала какие-то правила поведения. Но именно оттуда,

из начальной школы, от общения с ней осталась привычка снимать шапку при входе в помещение, уступать место в транспорте.

Переходя из класса в класс, Юра учился с удовольствием и дальше. Это не значит, что всегда легко. Не сразу, например, стала даваться математика. Не шла, и всё. Его одолевало просто панический страх перед бассейнами, куда по одной трубе вода вливается, а по другой выливается, перед прочими подобными премудростями, и потребовалось время, чтобы этот страх преодолеть. Преодолевал, постепенно стал разбираться. И потом

Фото Анны ЛУКИНОЙ

не остановился, начал докапываться до сложностей, увлёкся, да так, что стал участвовать в математических олимпиадах. Он тогда участвовал вообще во всех олимпиадах подряд – физических, географических – во всех, которые объявляли в школе. Неожиданно для себя в какой-то момент увлёкся даже биологией.

В отличники не рвался, в ежегодном табеле всегда оказывалось несколько четвёрток, но он и не задумывался особо об отметках, ему было интересно, и всё. При том оставался обычным мальчишкой. Посмеяться, набрать колючего репейника и

Юра Аврутов (второй слева) в четвёртом классе.

Поначалу Юрой овладевал просто панический страх перед бассейнами, куда по одной трубе вода вливалась, а по другой – выливалась, и перед прочими подобными математическими премудростями. Но постепенно этот страх он сумел преодолеть и стал даже участвовать в олимпиадах по математике.

причина в его биографии. Папа рыбинский, окончил в Рыбинске школу. В 1937 году его отца, моего деда, репрессировали, а родственников сослали в Казахстан, откуда папу и на фронт взяли. Бабушка жила с нами, но всё, что связано с дедом, считалось тайной, во всяком случае мне ничего не рассказывали. Сохранились какие-то обрывки сведений. Знаю, что в Рыбинске у них был свой дом, он до сих пор сохранился. Отец всю жизнь вспоминал Рыбинск как свою родину и радовался, когда я после института получил направление в Ярославль: всё-таки рядом.

Думая сейчас о судьбе отца, Юрий Иосифович допускает и другое. Возможно, более глубокий след, чем ему когда-то представлялось, оставила в отце война. В раннем детстве Юре казалось, что война была так давно, что до неё недотянуться, раз его тогда на свете не было. По мере взросления он стал замечать всё больше примет прошедшей войны совсем рядом. На улицах встречалось много инвалидов. В соседнем доме располагалась «Артель имени 8 Марта», выпускавшая крышки, дверные ручки и другую хозяйственную мелочь. Там работало много инвалидов войны без рук, без ног. Некоторые передвигались на велосипедах, приладив к ним нехитрые приспособления. Эти люди обращали на себя внимание неизменной энергией, даже жизнерадостностью.

бросить его на девочек, сотворить ещё что-нибудь в таком же роде – всегда пожалуйста.

Семья жила дружно. По вечерам отец просматривал газеты и читал вслух самое интересное. Так же, вслух, читал Льва Толстого, Чехова, Гоголя. Послушать отцовские домашние чтения приходили даже соседи.

– Отец был человеком и начитанным, и очень умным, – замечает Юрий Иосифович. – Почему он так и не продвинулся по служебной лестнице, я до сих пор не могу понять. Смысл жизни у них с мамой сводился к одному – дети. Возможно,

Юру, тогда мальчишку, это очень удивляло.

В городе было большое братское кладбище. По праздникам школьники, и Юра в том числе, возлагали на могилы цветы.

Аврutow, как и все вокруг, жили скромно. Печное отопление, дрова, колонка метрах в двухстах от дома. С тех пор как Юра пошёл в школу, таскать воду стало его обязанностью, и она оставалась ею на протяжении всего мелитопольского детства.

Мелитополь – тёплый южный город, отнюдь не морской, но Юра в мальчишеские годы любил подчеркнуть, что вырос на море. Каждое лето мама устраивалась работать медсестрой в пионерский лагерь на Азовском море и брала детей с собой. Вопреки распространённому мнению, море встречало их не только ласковой прибрежной полосой, где плескалась малышня и где он научился плавать. Иногда море делалось коричневым от поднятого жестоким штормом песка, и рыболовные суда уходили подальше от берега, чтобы не разбиться. К концу сезона водная гладь будто застыла, отражая в своей поверхности ности корпуса судоверфи.

Юра любил всякое море, а в подростковом возрасте буквально бредил им. Запоем одолевал увесистые тома Сергеева-Ценского, обожал Грина. Он до сих пор помнит, как скрипят канаты, удерживающие на причале лёгкие суденышки, помнит запах моря – свежий, лёгкий, манящий.

Но кончалось лето, и Юра возвращался в школу. В школе был театральный кружок, и он с увлечением погружался во всё, что там затевалось: играл на сцене, устраивал капустники, редактировал стенгазету. В какой-то момент, впрочем, всё затмило новое увлечение – изостудия.

Сколько себя помнил, Юра всегда рисовал. Оказавшись в изостудии, он был покорён царившей там обстановкой. В центре все-

го находился Илларион Андреевич Чубич, пожилой художник, у которого когда-то занималась ещё Юрина мама. Внешне – самый обычный человек, ничего экстравагантного или эпатажного, он притягивал к себе каким-то невидимым магнитом. На занятия к нему собирались люди самых разных возрастов – от младших школьников до почтенных старцев. Чубич ходил между рядами, заглядывал, кто как работает, что-то подправлял, подсказывал – вроде бы ничего особенного не говорил, а каждое слово будто укрепляло руку и сердце.

Случались занятия, когда он рассказывал о художниках, об архитектуре, показывал слайды – народа набивалась тогда полная студия, и, приобщённые к высоким образцам прекрасного, все чувствовали себя счастливыми.

В числе учеников Иллариона Андреевича был в своё время Григорий Чухрай. Уроженец Мелитополя, автор знаменитых фильмов «Сорок первый» и «Баллада о солдате», которые тогда только что прошли по стране, как выяснилось, начинал в этих стенах. Теперь здесь висели рисунки Чухрая, сделанные во время занятий, и каждый студент мог почувствовать себя кем-то вроде дальнего родственника режиссёра, известного во всём Советском Союзе и признанного, что тогда считалось редкостью, даже за границей.

Однажды на одну из таких посиделок в студию пришла девушка, студентка Московского архитектурного института, в прошлом тоже студийка. Во время этой встречи на Юру свалилась новая порция впечатлений. Может быть, именно в тот вечер, в шуме и гаме разноматерной компании и определилась его дальнейшая судьба.

Постепенно всё в его жизни как-то стало складываться одно к одному. С раннего детства он мастерил из бумаги и дерева – сначала попроще, потом всё сложнее и сложнее – кораблики, домики, замки с мощными стенами и башнями... В студенческие годы каждое лето проходило в стройотряде. Ребята строили в деревнях коровники, сараи, трансформаторные подстанции – там на первых своих объектах Юра приобрёл сразу несколько строительных специальностей. У него есть квалификации каменщика, бетонщика, штукатура, чем Юрий Иосифович и сейчас гордится.

Окончил институт. Школа, институт, интересная работа – всё логично. В Ярославле работал сначала в институте «Гипродвигатель». В областной комитет историко-культурного наследия пришёл в первые постперестроечные годы и трудится в нём уже восемнадцать лет.

Тяжело пережил развал страны. Родителей уже нет в живых, очень дружен с сестрой. Почти каждый день они разговаривают по скайпу, раз в год обязательно встречаются.

– Она – часть моего детства, часть меня самого, – признаётся Юрий Иосифович. Татьяна ЕГОРОВА.

Когда закон опаснее бандитов

Старинная поговорка «Закон – что дышло...» актуальности не теряет

Если в конце 90-е заниматься бизнесом в России было опасно из-за разгула криминала, то сегодня бизнес кошмарят совсем иные структуры, и это вызывает куда больше беспокойства со стороны инвесторов. Ведь на бандитов худо-бедно можно найти управу с помощью закона. А куда бежать, когда главную опасность представ-

ния данной меры. Мол, у бизнесменов есть заграничные паспорта и визы, уедут из страны, и не догонишь.

Кстати, правила выезда и въезда тоже были изменены,

жилищного фонда и начисляла соответствующую торговую наценку. Вот эту самую наценку и объявили незаконной, назвали мошенничеством и привлекли предпринимателей к

Эмиграция из России напоминает 1917 год

Газета The Los Angeles Times опубликовала статью, посвящённую эмиграции из России. Автор её отталкивается от цифр, которые сообщил Сергей Степашин, глава Счётной палаты, в интервью на «Эхо Москвы»: за последние 10 лет из России уехали около 1,25 млн. граждан – «примерно столько же, сколько после 1917 года».